

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.39>

Лукьянович Ольга Викторовна

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСКОГО ОБЛИКА А. К. ЛЯДОВА ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье исследуются особенности индивидуального облика композитора-миниатюриста А. К. Лядова, фигура которого привлекает внимание многогранностью творческого мышления, колоритностью как композиторского, так и литературного, исполнительского, художественного мастерства. Основное внимание автора уделено органичной взаимосвязи личности музыканта, воссозданной по материалам эпистолярного наследия, с манерой его изысканно-утонченного, лаконичного композиторского стиля. Исходя из анализа писем, в работе предпринята попытка существенно переоценить место и роль Лядова в истории музыки. Будучи хранителем традиций русской классической школы, он вместе с тем тесно соприкасается и с ведущими тенденциями начала XX столетия - символизмом, импрессионизмом и мирискусничеством, заметно эволюционируя в своем творческом мышлении под их непосредственным воздействием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/39.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 187-191. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

APPROACHES TO INTERPRETING BEAUTY AND HARMONY IN MODERN BELL-RINGING ART

Guseva Anna Nikolaevna, Doctor in Art Criticism
Moscow University of Finance and Law (MFUA)
serg19932@yandex.ru

The article focuses on the notions “bell-ringing”, “church bell-ringing”, “Orthodox bell-ringing”. The purpose of the study is to consider this musical phenomenon as sounds saturated with a special symbolic meaning tracking it at different levels of the tradition: church bells – Orthodox bells. The integrated approach to available materials was chosen as the research methodology, which allows considering the sound characteristics of the bells from the point of view of the formation of their musical-figurative significance. Scientific originality of the study includes the development of methodological approaches to identifying the peculiarities of the traditional tonality of bells, beaters and clappers. Analysing the Russian bell-ringing the author concludes on the peculiarities of their functioning in modern culture considering transformations in the synchronic and diachronic aspects and taking into account the factor of a listener’s perception.

Key words and phrases: bell; sound; ringing; beauty; harmony; interpretation; perception; church; Orthodoxy; sermon.

УДК 78.01

Дата поступления рукописи: 11.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.39>

В статье исследуются особенности индивидуального облика композитора-миниатюриста А. К. Лядова, фигура которого привлекает внимание многогранностью творческого мышления, колоритностью как композиторского, так и литературного, исполнительского, художественного мастерства. Основное внимание автора уделено органичной взаимосвязи личности музыканта, воссозданной по материалам эпистолярного наследия, с манерой его изысканно-утонченного, лаконичного композиторского стиля. Исходя из анализа писем, в работе предпринята попытка существенно переоценить место и роль Лядова в истории музыки. Будучи хранителем традиций русской классической школы, он вместе с тем тесно соприкасается и с ведущими тенденциями начала XX столетия – символизмом, импрессионизмом и мирикусунизмом, заметно эволюционируя в своем творческом мышлении под их непосредственным воздействием.

Ключевые слова и фразы: индивидуальный облик композитора; многогранность личности; миниатюризм творческого самовыражения; художественный дар; лаконизм письма; самобытность; А. Лядов – миниатюрист.

Лукьянович Ольга Викторовна, к. искусствоведения

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
imtih@herzen.spb.ru

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ТВОРЧЕСКОГО ОБЛИКА А. К. ЛЯДОВА ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ

Одной из важнейших задач музыкальной науки является изучение проблем творческого мышления, особенностей сугубо индивидуализированного самовыражения личности художника, уникальности, неповторимости облика мастера. Исследование специфики, глубинное осмысление и анализ перечисленных выше компонентов позволяют не только широко и разносторонне раскрыть своеобразие личности музыканта, по-новому оценить его место и роль в истории, но и провести параллели и аналогии с явлениями современной действительности, определить и наметить ход дальнейшего движения художественной культуры.

Страницы отечественной истории содержат немало ярких имен, привлекающих нестандартностью индивидуального мышления, колоритностью композиторского мастерства. В 2019 году музыкальный мир отмечает 105 лет со дня смерти мастера русской фортепианной миниатюры Анатолия Константиновича Лядова, чья самобытная, разноплановая творческая натура на сегодняшний день до сих пор не изучена комплексно и всесторонне. **Актуальность** обращения к эпистолярному наследию музыканта как основополагающему материалу для фактологического исследования вызвана недостатком, фрагментарностью, разрозненностью, в частности для молодых ученых, документальных сведений об особых, уникальных чертах личности музыканта, вошедшего в золотой фонд отечественной музыкальной культуры.

Цель предлагаемой статьи заключается во всестороннем, широкоаспектном исследовании особенностей художественной натуры ученика Н. А. Римского-Корсакова, музыканта, чье творчество неразрывно связано с прогрессивными традициями отечественного искусства, в частности камерно-инструментального направления рубежа XIX-XX столетий. Исходя из поставленной цели, был выбран несколько нетрадиционный взгляд: на основе эпистолярного наследия осуществляется анализ манеры письма, построения, содержания, оформления писем, записок, комментариев и др. Проводятся параллели с особенностями композиторского письма, процесса сочинительства, выбора сюжетов и художественно-образной стороны собственных миниатюрных произведений. На основе воспоминаний современников выявляются особые приметы исполнительской манеры,

разговорной речи, внешнего облика, поведения Лядова, в комплексе образующие, с одной стороны, своеобразие, уникальность творческой личности, с другой – цельность, законченность и единство природы музыканта.

Научная новизна заключается в самом фокусе исследования, во всестороннем анализе особенностей индивидуального облика Лядова на материале писем, авторских записок, воспоминаний и комментариев современников, к числу которых принадлежат в том числе и малоизвестные источники, дополняющие и значительно расширяющие представление о различных сторонах личности композитора. Кроме того, рассмотрены и проанализированы все стороны облика музыканта, служащие органичным воплощением Лядова как художника-миниатюриста, отмечено их ведущее значение в процессе формирования специфики творческого мышления и кристаллизации индивидуального облика композитора.

Во-первых, следует выявить параллели композиторского стиля Лядова-миниатюриста с почерком и литературной манерой, особенностью написания писем. Можно утверждать, что почерк музыканта достаточно мелкий, четкий, предельно аккуратный, отличающийся изяществом и декоративностью, что в полной мере соотносится с утонченной, филигранно-кропотливой, отточенной манерой композиторской работы над миниатюрными произведениями. Кроме того, обращают на себя внимание «чистота», «опрятность» письма, отсутствие зачеркиваний, ошибок, помарок, тщательно проработанная пунктуация и выверенные знаки препинания: работа как будто выполняется на белом, начисто. По воспоминаниям современников, Лядова справедливо называли «чистюля» [8, с. 51-52], вкладывая в это определение всю нежность, доброту и неизменное уважение к подобного рода качествам. Кстати, зная исключительную щепетильность композитора в отношении чистоты, то есть особенностей голосоведения, полифонических приемов, ритмических и темповых нюансов в произведении, М. П. Беляев именно ему поручал кропотливую работу по корректуре издававшихся им сочинений. Подобного рода качества говорят о внутренней упорядоченности, сосредоточенности на процессе. Строгость требований, критичность при выполнении и оформлении заданий, музыкальных сочинений, писем и комментариев (не любил «грязи» и неряшливости), тонкий вкус и острое критическое чутье характеризуют его как взыскательного и принципиального музыканта и человека. Понимание логики произведения (рукописного письма), законов построения не только целого, но и отдельной фразы, мотива, звука (либо же слова) характерно для художественно-эстетических взглядов Лядова. Именно в «живом развитии новых звучаний» [4, с. 50] видит он основной смысл высказывания, общения с собеседником. По воспоминаниям О. А. Корсакевич, «среди разговора с близкими, улыбаясь, Лядов произносит, как бы дорабатывая собственные пьесы, “так будет лучше”» [Цит. по: Там же, с. 178].

Письма Лядова привлекают внимание лаконизмом высказывания, точностью и конкретикой формулировок, короткими фразами, яркой образностью и живостью повествования. Сжатость стиля изложения сродни музыкальному: досказанность, доработанность, убедительность каждой отдельной фразы, предложения; меткость любого слова. В качестве примера приведем письмо к Корсакевич, датированное 1895 годом: «Я ведь так одинок и так никому не нужен, как шестой палец на руке» [10, № 953]. И далее также афористично и коротко: «Я склонен к покою тела, но не мысли. Я вольная птица. Мое желание – мой закон. Я живу – я мыслю. Я мыслю – я живу» [6, с. 40]. В продолжении опять-таки цепко и глубоко: «Искусство – самое необходимое для человечества: все исчезнет, а оно останется. Искусство пробудило в зверях людей, а людям указало на “дух” и “небо”» [Цит. по: 7, с. 111]. Подобного рода высказывания наглядно демонстрируют основополагающий принцип лядовской эстетики как композитора-миниатюриста: «Так сделать, чтобы каждый такт радовал!» [6, с. 185]. Представляется, что его в полной мере можно отнести к эпистолярному и литературно-поэтическому наследию композитора, скорректировав текст следующим образом: «Так написать, чтобы выразить самую суть, сердцевину, глубину!». Формированию собственных художественно-эстетических критериев, выработке независимой жизненной и творческой позиции, остро критического и пронизательно-го взгляда на различные явления культурно-художественной жизни способствует исключительно высокая потребность Лядова в интенсивной умственной работе.

Любопытно отметить, что для каждого из адресатов музыкант находит «свою тональность», особо неповторимую, уникально самобытную манеру беседы, индивидуализированный образно-эмоциональный настрой. Так, наиболее доверительными, теплыми и открытыми являются письма к родным и близким (Помазанским, Корсакевич), так же, как и самыми искренними, душевными, трогательными музыкальными сочинениями становятся миниатюры, посвященные дорогим людям: «Бирюльки» ор. 2 (1866) адресованы двоюродной сестре О. Корсакевич, «Музыкальная табакерка» ор. 32 (1893) – сыну Мише.

Поэтические послания композитора отличаются особым темпоритмом, музыкально-двигательной энергетикой. Автору хочется сказать обо всем и в первоначальных же строках. Основная, остро отточенная мысль, главная идея сообщается сразу, впоследствии развиваясь, углубляясь, обогащаясь новыми оттенками. Наглядным примером служат письма будущей супруге: «Вот идеал моей жизни: читать, читать, читать» [Там же, с. 193]. И далее: «Чтение – для *интереса* или потому, что *свободен* – почти что сон... Ключите из книги то, что *Вам нужно*, и развивайте это на *свободе*, и тогда вы узнаете, что значит *думать*... Книги не для усыпления ума, а для пробуждения. Если в них нет *новых* мыслей, *новых* чувств – так черт ли в них?» [Там же, с. 199]. Книги для Лядова представляют не только источник нового знания, но и стимул для активного самостоятельного мышления, в котором он видит основной смысл человеческого существования. Поэтому, упоминания о чтении, многочисленный перечень прочитанных книг, высказывания и отсылки в адрес различных авторов, их литературных сочинений занимают видное место в письмах композитора, наглядно демонстрируя картину разнообразия его художественных интересов и широту интеллектуальных запросов.

В письмах композитора находит место не только тонко искрящийся юмор, задор, элементы пародии, но и столь неизменные мотивы, точнее лейтмотивы грусти, тоски, бесконечной скуки и глубокого одиночества: «Скучаю – власть пью скуку бочками, не желаю Вам такой тоски» (М. П. Беляеву в конце 1890-х гг.) [Цит. по: 7, с. 126]. «Я в меланхолии. Все мне противно и собой недоволен. Скучно жить, ах, как скучно жить» [Цит. по: Там же, с. 32]. «Хроническая» скука, столь характерная для Лядова еще в раннем возрасте, приводит его к мыслям о смерти как единственно возможном избавлении от тяжелого депрессивного состояния: «Когда мне было 15 л., я хотел застрелиться от страшной тоски. С тех пор все осталось на месте: та же тоска, то же одиночество – а я живу» [6, с. 180]; «Я так скучаю... мне часто приходит в голову, что, не пора ли уже умирать» [Там же, с. 181]; «...мне так бывает иногда невыносимо скучно, что о смерти начинаю думать, как о реке в жаркий день» [Там же, с. 201]. Как видим, мысли о смерти порождены и невыносимой тоской, стремление излить которую окружающим, почерпнуть у них силы для ее преодоления не находит положительных результатов: «Я Вам не могу передать, какая на меня находит тоска. Другой раз думаешь, думаешь – кому бы “пожаловаться”, кто бы мог “посочувствовать”. Но нет! Таких людей нет!» [Там же, с. 180].

Еще один вариант той же темы – страх перед жизнью, перед ее энергичным, интенсивным движением, активной устремленностью вперед: «Есть ли что страшнее жизни? Даже, когда счастлив – и тогда страшно. Какой-то ужас кругом!» [Там же]. Среди различных возможных импульсов подобного рода настроений важную роль, по-видимому, сыграл тот факт, что творчество не смогло занять в жизни Лядова места фокуса, концентрирующего всю духовную энергию, смысл существования. Такое положение, помимо некоторых индивидуальных свойств музыканта, определялось более глубокими причинами мировоззренческого характера, обусловленными скепсисом, отсутствием ясной общественно-идейной целеустремленности, мотивирующей и направляющей творческую деятельность.

Нередко в письмах Лядова, встречаются небольшие стихотворные строки или нотные примеры, которые, с одной стороны, значительно их украшают и оживляют, с другой стороны – конкретизируют.

Обращает на себя внимание тот факт, что зачастую музыкант выставляет порядковый номер для каждой новой идеи или темы. Это свидетельствует об аналитическом складе ума композитора, склонного к порядку, системному подходу, организованности и основательности. Так, в письме к М. П. Беляеву, датированном 6 июля 1896 года, структурированность текста выражена в следующей форме:

«Мой милый, дорогой Митрофан!

- 1) Я никогда *заранее* не думаю, сколько ты мне заплатишь.
- 2) Ты *всегда* платишь больше, чем стоит (и в этом мое мучение).
- 3) Я считаю, что за прелюдии переплатил 50 р. (видишь, как ты меня избаловал, я *сам* считаю каждую прелюдию по 50 р.! А Бессель мне заплатил бы за все 30 р.).
- 4) Мне нужны были 300 р., и потому я заранее рассчитывал попросить у тебя в счет вариаций сколько не будет хватать до 300 р. Вот и все» [Там же, с. 50-51].

В послании же к И. Е. Репину от 24 сентября 1901 года последовательность развития мысли определена несколько иным способом:

«Дорогой Илья Ефимович!

Конечно, я согласен позировать. Во 1-х – мне очень лестно быть нарисованным кистью Репина, во 2-х – я уже полюбил Вас и мне приятно слушать Вас и говорить с Вами, а в 3-х – Беляеву очень хочется иметь мой хороший портрет. Одно горе: я могу ездить к Вам только по праздникам. Если я к воскресенью поправлюсь и приеду к Вам – как мне одеться? Хотите: серый костюм и белый жилет? или в черном сюртуке? или – в черном пиджаке (весь костюм черный)? Заказывайте – я так и приеду.

Преданный Вам Ан. Лядов» [Цит. по: 7, с. 158-159].

В большинстве писем композитора наиболее важные, значимые мысли, слова, целые словосочетания выделены курсивом или подчеркнуты, являясь еще одним документальным подтверждением тщательного, скрупулезно-вдумчивого подхода к тексту, который правильно и однозначно должен быть понят собеседником. Скупое сообщая о подробностях своей творческой работы, Лядов увлеченно делится впечатлениями о прочитанном, смело, ярко, эмоционально-образно высказывая свою собственную позицию: «Я упиваюсь “Сказкой моей жизни” Андерсена. Читал по крайней мере раз 10 – и все читаю с упоением» [9, ед. хр. 44]. «Последнее время читаю Андерсена. Что за прелесть! Что за поэзия! Прикоснется к старому башмаку – золото. Какой-то чудотворец! А сколько доброты, ласки» [6, с. 192].

Раскрывая индивидуальные особенности личности Лядова, необходимо обратить внимание на присущее ему тонкое чувство юмора. Многочисленные письма и даже шутки ради написанные стихотворные строки полны иронии, остроумных выдумок, служат свидетельством бесспорного литературно-поэтического таланта композитора: «Скажу вам правду, а не лесть: три грации считались в древнем мире; родились вы – их стало шесть» [Цит. по: 7, с. 160]. Еще в детстве, по воспоминаниям родных и близких, он мог заставить без устали хохотать двоюродных брата и сестру занимательными рассказами, самостоятельно выдуманными забавными историями. Именно Анатолий был инициатором разнообразных детских забав и проказ, шуточных и веселых игр.

К самому себе Лядов относился с большой долей иронии, снисходительная улыбка не сходила с его губ, изумительным примером чему служат следующие строки, обращенные к родным:

«Ваш брат двоюродный А. Лядов,
Противник многих Ваших взглядов,

В родне – единственный урод,
 Не глуп, не зол, ужасный мот,
 Скучает прозой жизни жалкой,
 Пленен драконом и русалкой.
 В мечтах и в сказке лишь живет –
 На новый год привет Вам шлет» [6, с. 127].

Во время болезни появляются следующие строки: «Ни ходить, ни стоять, ни сидеть не могу. Надо будет посмотреть не могу ли я висеть» [Цит. по: 3, с. 27].

В письме к М. П. Беляеву:

«Ах, зачем я не скелет!
 Ветер в ребрах бы играл,
 Я б жары совсем не знал,
 И стыда, что не одет» [9, ед. хр. 43].

О своем литературном даре Лядов высказывается совершенно определенным образом, в манере искрящегося, филигранно отточенного и миниатюрного стиха:

«Я не поэт, нет, я не Пушкин,
 Куда! Я ниже, чем Козлов.
 Бездарностью я просто Душкин,
 А глупостью – забью ослов» [6, с. 129].

Любопытно провести аналогии музыкальной, литературной и разговорной речи композитора. Лядов говорил всегда негромко, мягко, смеялся иронично, предложения и фразы строил, как будто бы писал, облюбовывая, тщательно подбирая, обдумывая каждое слово. В целом высказывался мало (так же, как и сочинял), предпочитал молчать и слушать. Со стороны казался скромным, незаметным, как будто сторонним наблюдателем, иногда лениво поглядывающим на дискутирующих. По воспоминаниям Асафьева, «было принято восхищаться скромностью Лядова, но никому не казалось нужным помочь, поставить очень нервно-восприимчивый, по-глински подобный мимозе артистический организм композитора в соответствующие условия» [1, с. 275].

Лицо его не отличалось живостью и подвижной, выразительной мимикой, большей частью хранило выражение созерцательности, благодушного расположения и отстраненности, нередко казалось просто сонным. В разговор музыкант вступал редко, пребывая преимущественно в собственном мире, диалоге самим с собой. Однако если Лядов вступал в беседу, то говорил всегда метко, оригинально, неординарно, предлагая и отставляя свою собственную точку зрения, как правило, противоположную традиционной. Так, на восторженный возглас увлеченного своими идеями А. Н. Скрябина «Я – творец нового мира! Я – Бог!» Лядов иронично ответил: «И полноте, миленький! ну какой ты бог? Просто ты – *петушок!*» [Цит. по: 7, с. 28]. Кроме того, его высказывания всегда были расцвечены цитатами любимых авторов (поэтов, писателей, философов).

В заключение интересно провести параллели разговорно-литературной речи композитора с его исполнительской манерой. Так, свой особый, ярко индивидуализированный стиль игры, не претерпевший в дальнейшем существенных изменений, складывается у Лядова-пианиста в достаточно раннем возрасте: «...у него рано развилась удивительно мягкая передача, художественно музыкальное исполнение произведений; это был своего рода задушевный “голос”, интимно передающий, что он видел и чувствовал» [4, с. 15]. Мастер фортепианной миниатюры не был пианистом-виртуозом, «покорителем» большой концертной сцены, отдавал предпочтение игре в домашней обстановке, в кругу близких и родных людей. При развитом техническом аппарате, он отличался мягким, изящным стилем игры. Камерное, неглубокое, но при этом интонационно наполненное звуковедение; тонкая и изящная звукопись, темброво-колористическое богатство, разнообразие звуковых нюансов, строгий интеллектуализм, связанный с акцентированием «вкусовностей» в гармонии: «Тон Лядова был неглубоким. Иногда казалось, что его чуткие пальцы не лежат, а плывут над клавиатурой. Мелодия пела, не вызывая ощущения вокальности: всегда чувствовался в игре тонкий инструменталист, с любовью “пальцево-чистенько” интонирующий каждый орнаментальный завиток» [2, с. 32].

Как видим, Анатолий Константинович Лядов был оригинальной, самобытной, утонченной личностью, талант которой нашел отражение в различных сторонах его индивидуального облика. Его натура отмечена целым рядом контрастно-противоречивых нюансов. Любовь к жизни, разумное мироощущение, искрящийся юмор, тонкая ирония оставались характерными чертами Лядова-человека-музыканта, распространяясь от незлобивого подтрунивания и подчас едких сарказмов до душевной депрессии и глубокой меланхолии в поздние годы. Индивидуалистические «нотки» сознания мешали Лядову понимать сущность происходящих общественно-политических исторических событий, что привело к формированию его взглядов на искусство как на едва ли единственную, вечную, непреходящую ценность. Характерные для его писем, написанных в начале 90-х годов XIX столетия, многочисленные высказывания общезстетического характера представляют типичные для теории «чистого искусства» утверждения о независимости последнего от жизни, противопоставления художника непонимающей его толпе и т.д. К своему творчеству он предъявляет требования «красоты», «аристократизма» и особенно новизны, уводящей от «повседневной прозы жизни». Являясь

приверженцем сочинений малых музыкальных форм, изысканной утонченности и гармоничности, Лядов подчас достаточно резко критикует новаторские приемы и новые веяния в музыкальной культуре, характерные для ряда композиторов рубежа XIX-XX веков, не всегда приемлет новые, прогрессивные тенденции ее развития.

Достаточно обширное по объему эпистолярное наследие Лядова позволило не только выявить некоторые существенные причины предпочтения композитором произведений малых форматов, но и предоставило наглядную возможность сопоставить стремление к краткости, сжатости высказывания, тщательно скрупулезной отделке деталей музыкальных сочинений с разными сторонами его творческой индивидуальности. Особенности композиторского письма также свидетельствуют о том, что каждая из выявленных на основе систематизированных документальных материалов характеристик в полной мере отражает природу Лядова-миниатюриста, вошедшего в музыкальную культуру как «тишайший» русский композитор («у Лядова тишьность строя душевного» [5, ст. 808]).

Миниатюризм художественно-творческого мышления, основанный на эстетическом культе разумности, строгой логической дисциплине в работе над материалом, внутреннем осознании смысла, логики, законов построения как всего композиционного целого, так и отдельных фрагментов, замечен практически во всех сторонах натуры мастера, свидетельствуя о ее цельности и неизменности. Исходя из особенностей эпистолярного наследия, становится возможным обрисовать преобладающие черты индивидуального облика Лядова: тонкий художественный вкус, безупречная чистота и логика письма, оправданный выбор формы творческого самовыражения, ограниченной рационализмом, осознанностью и убежденностью применения каждого выразительного приема, штриха, нюанса, тщательная работа с материалом, четкая рельефность деталей, умение лаконично, концентрированно, но при этом полно выразить глубину и содержательность мысли в рамках небольшого по масштабам произведения. Все это, согласно позиции Лядова, есть необходимые условия подлинного профессионального мастерства.

Список источников

1. Асафьев Б. В. Избранные труды: в 5-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. 384 с.
2. Асафьев Б. В. Шопен в воспроизведении русских композиторов // Советская музыка. 1946. № 1. С. 29-40.
3. Васина-Гроссман В. А. А. К. Лядов. М. – Л.: Музгиз, 1945. 47 с.
4. Запорожец Н. В. А. К. Лядов. Жизнь и творчество. М.: Музгиз, 1954. 215 с.
5. Каратыгин В. Г. А. К. Лядов // Музыка: еженедельник. 1913. № 158. Ст. 804-813.
6. Лядов А. К. 1. Жизнь. Биографический очерк В. Г. Вальтера. 2. Портрет. По личным воспоминаниям С. М. Городецкого. 3. Творчество. Критический очерк Я. Я. Витоля. 4. Из писем 1901-1909 гг. Пг.: Изд-во Попечительского совета для русских композиторов и музыкантов, 1916. 221 с.
7. Михайлов М. К. А. К. Лядов. Очерк жизни и творчества. Изд-е 2-е, доп. Л.: Музыка, 1985. 204 с.
8. Оссовский А. В. Воспоминания. Исследования / общ. ред. и вступ. ст. Ю. А. Кремлева; сост., подг. к публ., предисл. и прим. В. В. Смирнова. Л.: Музыка, 1968. 440 с.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 449. Р. V.
10. Отдел рукописей Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова (ОР СПбГК). Архив А. К. Лядова.

PECULIARITIES OF A. K. LYADOV'S INDIVIDUAL STYLE (BY THE MATERIALS OF EPISTOLARY HERITAGE)

Luk'yanovich Olga Viktorovna, Ph. D. in Art Criticism
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
imtih@herzen.spb.ru

The article examines the individual style peculiarities of the composer-miniaturist A. K. Lyadov, who is known for his versatile creative thinking, brilliant composer's, literary and performing skills. Special attention is paid to harmonious interrelation of the musician's personality reconstructed by the materials of epistolary heritage and his refined, laconic composer's style. The analysis of A. K. Lyadov's letters allows the author to re-evaluate the composer's place and role in the history of music. Being a keeper of the Russian classical traditions, he was at the same time in tune with the key trends of the beginning of the XX century – symbolism, impressionism and “The World of Art (Mir Iskusstva)” movement. These artistic trends influenced greatly the evolution of his creative thinking.

Key words and phrases: composer's individual style; versatility of personality; miniaturism of creative self-expression; artistic gift; laconic style; originality; A. Lyadov – miniaturist.